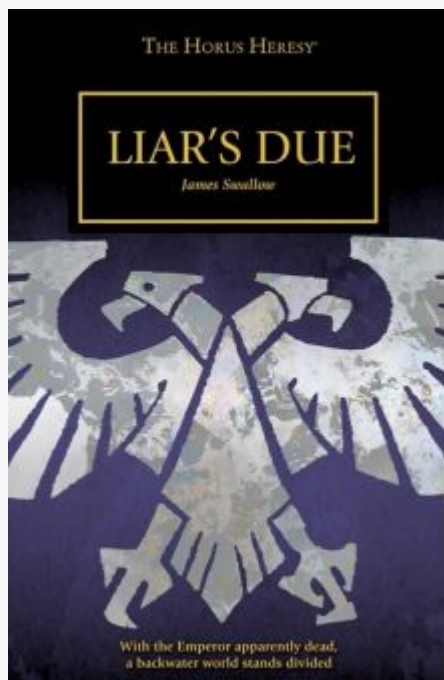

Доля лжеца / Liar's Due (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Доля лжеца / Liar's Due (рассказ)

Автор	Джеймс Сваллоу / James Swallow
Переводчик	Артемка
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Эпоха Тьмы / Age of Darkness
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Содержание

- +++ Радиопередача Минус Zero Zero [Солнечная Система] +++
- +++ Радиопередача Минус Восемь Недель [Солнечная Система] +++
- +++ Радиопередача Плюс Одиннадцать Часов [Солнечная Система] +++
- +++ Радиопередача Минус Две Недели [Солнечная Система] +++
- +++ Радиопередача Плюс Двадцать два Часа [Солнечная Система] +++

+++ Радиопередача Минус Zero Zero [Солнечная Система] +++

Голос из динамика репродуктора над площадью, доведенный до автоматизма, не отличающийся от каждодневной тональности, повествовал о делах и мирских новостях. Плоские, почти бесчувственные слова звучали по улицам Города Сорок-Четыре, по бульварам и переулкам, над крышами универсальных магазинов и стоянками машин. Потрясенные люди под тенью Небесного Лифта стояли в тишине или блуждали беспорядочно по кругу, от парализовавшего их страха.

Запись закончилась и началась снова.

— Новости Империи, — начал жужжащий, щелкающий голос, сопровождаемый оркестровой музыкой зазвучавшей после вводной фразы. В этот день новости от центра достигли сельскохозяйственной колонии Виргер — Мос II. Часть новостей как и всегда повествовала людям Города Сорок-Четыре и другим колониям, расположенным в болотной местности, информацию о галактике вокруг них.

Сегодня вводная часть сменилась угрожающей нотой, предвещая что-то злое. Основная часть сообщения началась; где-то высоко над их головами, на верхнем уровне Небесного Лифта, располагался единственный астропат планеты. Единственная обязанность псайкера состояла в том, чтобы преобразовать новости в приемлемые формы и отправлять их вниз на телеграф.

— Это — сообщение с Терры, с пометкой важно. Оповестите всех граждан и узнайте эту мрачную новость. Сражение за Врата Вечности проиграно. Императорский дворец объят огнем на Терре. Это — наше большое горе, объявить о том, что ЛжеИмператор Человечества погиб от рук Гора Луперкаля, Магистра войны.

Некоторые из горожан начали плакать, другие, схватившись за головы, пытались отрицать услышанные слова. Один человек, не обладающий чувством юмора, рассмеялся, приняв сказанное за шутку. И были другие, которые наблюдали и ничего не говорили, только кивая, как будто всегда знали, что наступит этот день.

Под динамиком громкоговорителя тикали и щелкали вырезанные из дерева таблички, поворачивающиеся и собирающиеся в слова.

— Император присоединился к почётному списку рядом со своими сыновьями: Сангвинием, Дорном, Руссом и Ханом. Остатки его сил теперь предстанут перед судом. Капитуляция завершается. Конфликт внутри легионов исчерпан. Сражение за независимость завершено, Гор окончательно победил. Даже сейчас, корабли посылаются во все уголки, к дальним границам, чтобы укрепить его новое правление как Короля-Императора.

Настал момент тишины, как будто машинный спикер не мог полностью обработать слова, которые он

проецировал.

— Знайте это. Война закончена. Гор занял трон.

Репродуктор замолк и паника начала утихать.

В прохладном льдохранилище пристальный взгляд Леона Киитера упал на перевернутые ладони его рук, и он увидел линию небольших белых полумесяцев, продавленных ногтями в собственной плоти. У него кружилась голова, и он чувствовал себя плохо. Молодой человек боялся поддаться страху, он мог бы споткнуться и упасть в обморок на растрескавшееся щебеночно-асфальтовое покрытие бульвара. Это был кошмар; было похоже на сон, не было никакого другого объяснения. Ничто иное не имело больше смысла.

Император мертв? Это было невозможно, невероятно. Птицы в небе заговорили бы на Высоком Готике, и сезоны сменяются прежде, чем такая вещь могла случиться! Леон отказался принять это. Он не мог принять это!

— Гор занял трон ..., — он услышал слова, повторенные одной из рабочих с фермы Форрот. Она повторяла фразу, произнося ее громко, чтобы убедиться, что это была не только последовательность бессмысленных слов.

— Он появится здесь? — спросил кто-то еще, и вопрос походил на искру к воспламенению. Внезапно в городском квартале все сразу заговорили, голоса множились в сердитом беспорядке. Леона будто ударили фрагменты разговоров, раздающиеся со всех сторон.

— ...,Как давно это было захвачено?

— ... уже на их пути....

— ..., но нет ничего для них здесь!

— ... он мог быть убит?

— ... этот мир попадет под тень Воителя....

Молодой человек нахмурился и поднялся на ноги, быстро проталкиваясь, как будто он мог опередить собственные темные мысли, которые крутились в его голове. Терра в огне. Разрушение дворца. Небо, черное от кораблей. Зона сражения задышалась с заставленным замолчать оружием.

Он пробивался сквозь массу людей; их должно было быть сотни, почти все население Города Сорок-Четыре сбилось на открытом пространстве, чтобы услышать голос еженедельной радиопередачи. Та же самая сцена, наверное, наблюдалась в любом городке с телеграфной связью, от столицы Ноль — Один до ферм ледяной пшеницы в Восемьдесят — Седьмом.

Леон нашел и проследил линию телеграфных кабелей пристальным взглядом, сеть черных нитей, болтающихся на тонких пластмассовых силовых столбах. Линии, подверженные атмосферному давлению, на окрашенных цвета кости мачтах, уходили из города и исчезали за бесконечным пейзажем полей ячменя. За пределами колонии земля была плоской и невыразительной от горизонта до горизонта, только случайный стальной бункер или линии железной дороги портили пейзаж. Это был статический, неизменный пейзаж, символический относительно непосредственно планеты. Виргер-Мос II был агромиром, хлебная колония для оси основных Имперских миров, являясь почти незаметным; тем не менее, это была одна из сотен подобных планет, которые кормили голодную империю, и поэтому, возможно

было предположить, что она имеет некоторую незначительную стратегическую ценность. Но это было изолированное место в Доминионе Штормов, располагающимся в Сегментуме Ультима. Отдаленный, незначительный мир, который стал незаметным для остальной части галактики. С населением меньше миллиона человек, живущих на сожженной ветром поверхности второй планеты, все они, так или иначе, работали на обслуживании ферм.

И ни один из них не мог забыть свое место, особенно те, кто жил в Городе Сорок-Четыре. Леон повернул голову, его взгляд приковали силовые башни, черными теньями возвышавшиеся над комплексом обслуживания, расположенным вне квартала, и исчезающие в небе. Слегка наклоняя свою лицевую часть назад, космический лифт казался уменьшающейся в диаметре нитью, уходящей вдаль к орбите. Внутри автоматизированные системы, которые немногие из людей когда-либо видели, работали без паузы, собирая грузовые резервуары, полные зерна, которое прибывало по железной дороге в гудящих поездах, и переносили их в космос. Небесный Лифт был единственной причиной существования Города Сорок-Четыре; в то время как фермеры номинально называли его домом, обитая главным образом на своих ранчо. Колония была для тех, чьи жизни вращались вокруг лифта и его операций; но по правде, их функция была почти косметической.

Леон вспомнил одну ночь, когда его отец, Амес, пришел домой из таверны напившись и преподал мальчику мрачный урок; он сказал ему, что у города нет никакой причины для существования. Каждой системой в Небесном Лифте, от грузовых укладчиков на сложной петле и алмазных веревок, которые поднимали резервуары к месту, управляли автоматы. Каждая душа в Городе Сорок-Четыре могла умереть в своей кровати, и лифт будет продолжать работать, беря зерно и поднимая вверх, туда, где грузовые зажимы могли встретить его на орбите. Урок, сказал Амес Киитер, заключается в том, что даже когда люди ввели себя в заблуждение размышлениями о собственной важности, правда обычно находилась на противоположной стороне.

Молодой человек не считал этот путь своим. Он не думал о тени Небесного Лифта как о чем-то, что необходимо было ненавидеть, как это делал его отец. Старик бросался на башню как монстр, и он палил в нее каждый день, как будто он хотел разорвать орбитальную привязь и сбросить ее. Нет, Леон видел его как мост кое к чему большему, как памятник человеческой попытке. В тени он чувствовал себя защищенным, как будто так или иначе власть Императора была заключена в ее полумраке

Он чувствовал этот путь до сих пор.

Мысли о его отце тянули Леона назад с небольшого возвышения, ведущего к комнате в общежитии, которое принадлежала его семье уже семь поколений. Он был настолько полон решимости сделать это, что забрел в толпу людей, захваченных напряженной, эмоциональной беседой.

— Не имеет значения, что вы думаете! — Даллон Праель работал старшим солнцезахватчиком в фруктовом саду, где свет от яркого желтого солнца Виргер-Моса захватывался и превращался в энергию для городка. Он был большим человеком, но его габариты были всего лишь иллюзией; Праель был дряблым и испытывал недостаток в мышечной массе или выносливости, которые Леон наблюдал по энергичным играм «Тяни-Толкай» в таверне. Его полные руки переплетались в воздухе. «Все мы слышали телеграф!»

Среди группы собравшихся горожан прозвучали слова одобрения сказанному Праелем. Но человек, к которому он обращался, состроил гримасу на своем лице.

— Так что вы предлагаете, Даллон? — Силас Кинкейд задал вопрос с напором. — Мы стоим вокруг и

заводимся? — В отличие от солнцезахватчика, Кинкейд был высоким и гибким, но его реальная сила была скрыта внешним видом. Пожилому отцу Силаса принадлежали стоянки, и его сын занимался там обслуживанием транспортных средств. Леон не мог вспомнить случай, когда у этого человека не были измазанные маслом руки или от него не исходил аромат жидкости аккумуляторных батарей.

Праель и Кинкейд были завсегдатаями таверны, но здесь и сейчас это казалось неуместным. Это не было спором о политике в барном трепе, но чем-то иным, движимым страхом. Напряжение в воздухе было сильным, подобно потрескиванию статики перед штормом. Леон задался вопросом, могли ли бы эти два мужчины вступить в драку; не проходило и недели за прошедшие два года, чтобы кто-то не начинал спор по вопросу гражданской войны, и эти двое часто были у истоков этих разговоров.

— Ты хочешь, чтобы бы мы оставались слепы? — Праель был настойчив. — Я говорил с Яко. Он сказал мне, что все телеграфные каналы умерли. Никакой входящей связи, только тишина. — Он сложил руки на груди. — Какой вывод вы делаете из этого, а? Это — военная доктрина, не так ли? Перерезать линии коммуникаций.

— Что ты знаешь о военной службе? — Кинкейд отступил назад. «Единственный Имперский армейский гарнизон находится в Ноль — Один, а ты никогда не оставлял этот двор!

— Я проходил подготовку!— с жаром парировал Праель. — Когда Имперская Армия пришла сюда и показала нам, как тренироваться, я проходил подготовку в городской страже!

Кинкейд развел руками.

— Это была стража, которой у нас нет, и в которой мы никогда не нуждались?

— Возможно, мы нуждаемся в этом теперь! — сказал один из людей, рыжеволосый человек из медицинского офиса.

Праель кивнул.

-Ага! Если бы я здесь не говорил, то я стирал бы пыль со своей винтовки!

Механик закатил глаза и заметил Леона, обращаясь к нему для поддержки. Юноша смог только напряженно пожать плечами.

— Послушайте, — сказал Кинкейд, пытаясь успокоить свой голос. — Вы знаете, как движется атмосфера. Линии все время обрываются.

В этом он был прав. Одна из особенностей насыщенной минералами почвы колонии вызывала хаос в вокс-передатчиках, поэтому сообщения посылались и принимались исключительно по телеграфным кабелям, протянутым через ландшафт, во все стороны от Небесного Лифта. В городах на Виргер-Мос II, куда не были протянуты провода, использовали почтовых наездников или гелиографы. Богатая почва помогала вырастить поразительный урожай зерновых культур, но также заставляла очищать рокритовые стены каждого здания и вызывала мерзкий кашель, являющийся худшим убийцей колонии. Иногда принесенной ветром пыли было достаточно, чтобы прогрызть линии ограждения, простирающиеся сквозь сельскую местность.

— Если Столица молчит, значит есть рациональное объяснение этому, — продолжал Кинкейд.

Женщина, покрасневшая от близкой истерии, впиалась взглядом в него. — Ты не можешь этого знать!

— Мы должны защитить себя, — сказал Праель. — Это то, о чем мы должны думать!

Кинкейд сгримасничал.

— Хорошо, хорошо! Как об этом, тогда? У меня есть свой трайк на стоянке. Как насчет того, если я съезжу к Ноль — Один и узнаю, что происходит? Я могу съездить туда и вернуться обратно перед сумерками.

— Это не безопасно.— Леон произнес слова не подумав.

Механик стрельнул на него взглядом.

— Откуда ты знаешь?

— Парень прав! — продолжал Праель. — Трон и Кровь, разве вы не слышали радиопередачу, Силас? Война...

— Это нас не касается! — Кинкэйд ответил. — Мы находимся в самой заднице Империиума, куда ни человек, ни примарх не потрудились бы обратить свой пристальный взор! Таким образом, эта жалкая паника бессмысленна. Лучше мы узнаем то, что случилось, от колониального губернатора непосредственно, да? — человек повернулся к Леону и подтолкнул его в спину к выходу. — Возвращайся-ка домой, сынок. И обратись к своему папочке. — Он поглядел на него и затем ушел. — И то же самое касается остальных!

Праель пробормотал что-то вздыхая, когда раскрасневшаяся женщина вышла вслед за механиком.

— Он всегда кружит вокруг этого города, как будто он сладко пахнет, — протрещала она. — Теперь приказы отдает технарь?

Леон знал, что она смотрела на него, ожидая что он согласится с ней. Ничего не сказав, Леон направился обратно, возвращаясь к рабочему общежитию.

Его отца не было, когда он вернулся. Леон быстро поднялся по лестнице на верхний этаж, проводя рукой по навсегда закрытой двери в комнату его матери, поскольку он воспринимал это как укоренившуюся привычку. Спустившись, он пошел в анфиладу — это было причудливое название для палат, казавшееся слишком громким для неопределенной новой комбинации балкона и спальни. Он постучал по задней двери рукой, громко крича.

— Эсквайр! — Леон колотил часто и настойчиво; других жителей в рабочем общежитии не было уже в течение некоторого времени. Они жили тут одни более месяца, в то время как водители из далеких областей оставались на своих ранчо, а не рискуя находиться под тенью Небесного Лифта. — Эсквайр Мендекс, вы там?

Он услышал движение за дверью, затем она заскользила, открываясь на смазанных бегунках.

— Молодой Леон, — сказал человек, рассеянно приглаживая перед своей туники. — Какая настойчивость.

— Телеграф... — Леон говорил так быстро, что спотыкался в словах и вынужден был набрать воздуха и начать снова. — Телеграф говорит, что Император мертв, а Гор взял Терру! Война закончена! — он мигнул. — Я не думаю, что это может быть правдой ...

— Нет? — Мендеск отступил назад в квартиру, и Леон вошел за ним. — Или ты подразумеваешь, что ты желаешь, чтобы это было правдой?

Эсквайр был небольшим человеком, его кожа была бледная по сравнению с загорелыми уроженцами агро-мира, и у него были длинные пальцы, похожие на женские. Однако он держался со своего рода уверенностью, которой Леон продолжал пытаться подражать. У Мендеска была тихая уверенность, которая исходила от него; было необычным, как кто-то, кто на первый взгляд мог казаться непритязательным, при этом мог завладеть вниманием в случае необходимости.

Он налил в рюмку амасека из бутылки на столе и поглядел туда, где стоял Леон. Руки молодого человека продолжали двигаться безостановочно, сопровождая жестикуляцией каждое слово.

Леон повторил сообщение телеграфа еще раз лучше, все, что он запомнил, поток слов выливался из него. Эмоция окрасила каждый слог, и он чувствовал, что его щеки покраснели и стали теплыми, когда он закончил. Мендеск только слушал, делая маленькие глотки напитка из рюмки.

— Военные корабли Гора прибывают сюда,— продолжал Леон. — Они могут быть уже рядом!

— Нельзя ручаться, — выдал Мендеск. — Потоки Варпа странные и непредсказуемые. Течение времени там является несколько гибким.

Леон в разочаровании наморщил брови. Он ожидал от эсквайра какой угодно реакции, только не этой. Человек казался почти ... смирившимся.

— ..., разве вы не обеспокоены таким поворотом событий? Война приближается к нам! Империи превращаются в лохмотья! Разве вы не боитесь того, что случится потом?

Мендеск поставил рюмку с амасеком и подошел к окну. Его пиктер и связка перьев-стилусов лежали там неопрятной грудой.

— Дело не в этом, Леон, — сказал он. — Любой нормальный человек обеспокоен будущим. Но я усвоил, что ты не можешь позволить себе управлять вопросами того, что может случиться. Прожить жизнь в тени невыполненной возможности, является ограничением внутренних взглядов.

Юноша не понимал значение слов человека, который говорил ему их.

Тень тревоги пересекла лицо Мендеска.

— Пылевые штормы, которые прибывают в течение этого сезона. Действительно ли ты боишься их?

— Не совсем так. Я подразумеваю, они могут быть опасными, но...

— Но ты понимаешь их. Ты знаешь, что не можешь изменить их. Таким образом, ты нашел убежище и позволяешь им проходить, а затем продолжаешь свою жизнь и двигаешься вперед, как будто их никогда не было. — Мендеск сделал жест, который охватил их обоих. — Мы — маленькие люди, мой друг. И подобные нам не смогут изменить курс войн, которые охватывают галактику. Мы можем только проживать наши жизни, и принять то, что судьба представляет нам.

— Но Император мертв! — Леон произнес слова, повышая голос. — Я не могу принять это!

Мендеск поднял голову.

— Ты не можешь изменить этот факт. Если это так, ты должен принять его. Какая есть альтернатива?

Леон отвернулся, качая головой и закрывая глаза.

— Нет. Никакой ... — Он чувствовал головокружение снова и снова, и ткнулся в драп, отгораживающий перегородкой часть спальни от центральной части комнаты. На мгновение, он изучал спящую область Мендекса. Он увидел низкую, узкую кровать, рельс вешалок.

На кровати был маленький чемодан-контейнер, который эсквайр нес через плечо, когда появился, Леон помнил это — и он лежат открытым. Внутри лежала не одежда или пиктеры, там было многообразие оборудования, которое не было знакомо юноше. Оно не было металлическим и выглядело смазанным как внутренности двигателя вездехода; это производило впечатление того, что оно хрупкое, подобно лопастям из черного гласстика серебряной филигранной работы.

Но затем ход мыслей, формирующийся в уме Леона, был резко прерван резким лающим голосом его отца, отзывающегося эхом вверх на лестнице.

— Парень! Иди сюда!

Он услышал топот ботинок на лестнице.

— Ты должен идти, — сказал Мендекс покорно.

Амес Киитер был внизу, когда Леон вышел из комнаты. Он кратко поклонился постороннему человеку и затем впился взглядом в сына.

— Я же говорил тебе не приставать к эсквайру. Спускайся вниз. — он отвесил Леону затрещину в ухо и юноша, споткнувшись, помчался назад к цокольному этажу.

Отец догнал его и схватил за плечо.

— Куда ты ходил? — потребовал он ответа. — Я сказал тебе оставаться здесь, ждать меня, пока я не приду домой. Вместо этого я возвращаюсь, а ты ушел.

— Телеграф! — Леон вывернулся. — Ты слышал?

Лицо Амеса скривилось и он покачал головой.

— Эта новость взбудоражила тебя, не так ли? Я должен был это знать.

Леон едва мог поверить покорности своего отца о смысле этого сообщения. Сначала Мендекс, а теперь и он?

— Конечно взбудоражила! Война, отец! Война идет сюда!

— Не повышай голос на меня! — Амес отшатнулся назад. — Я слушал эту проклятую бобину. Я знаю, что там сказано! Но я не обмочил свои штаны по этому поводу! — Он выдохнул. — В такое время человек должен быть спокойным. Пойми значения этого дня, когда все вокруг неуправляемы, подобно круглым дуракам.

Леон почувствовал сжимающийся комок холода внутри себя.

— Папа, что случится с нами? — он ненавидел себя за этот вопрос, который заставил его походить на напуганного маленького мальчика.

— Ничего. Ничего, — твердил его отец. — Ты думаешь, что Воитель знает об этом куске дерьма, этой

колонии? Ты думаешь, что он даже знает название этой звездной системы? — он нахмурился. — Ты думаешь, что Император это знал?

Непроизвольно Леон сжал ладони рук в кулаки. У него всегда вызывало гнев, когда старик говорил об Императоре таким тоном. Свободно. Непочтительно.

Он открыл свой рот, чтобы огрызнуться, но тонкий крик женщины остановил его. Они оба вышли через парадную дверь после крика, затем на улицу, и увидели людей, указывающих на юго-западный край неба и новый оттенок возникшего страха на их лицах. Леон вышел и повернул голову, чтобы увидеть это.

Солнце заходило за горизонт, и небо было с оттенком глубокого синего цвета, прочерченного несколькими длинными линиями серо-белых облаков. В вышине, луны были видимы как призраки, но что попадалось на глаза, были огни. На мгновение он не был уверен, что увидел. Это были линии огня, тонкие нити, медленно прочертившие небеса на далеком горизонте. Их было много, дюжина или больше. Было трудно поверить в это. Они отражали солнечный свет, когда упали.

— Вторжение, — сказал кто-то, и слово было почти рыданием.

— Воитель! — Леон повернулся и снова увидел покрасневшую женщину. Она тыкала своим пальцем в воздух. — Он снижается с орбиты!

— Они движутся в направлении столицы, — сказал другой свидетель.

— Разве это не является нападением? Капсулы или как они называют их. Набитые под завязку солдатами и оружием!

— Десантная капсула, — поправил его Леон.

— Ты так думаешь, мальчик?

Леон повернулся к женщине.

— Нет, я подразумеваю, я не думаю...

«Ты внезапно стал экспертом, не так ли?» парировала она, впиваясь в него взглядом.

«Я читал книги», слабо возразил он, поспешив сделать это прежде, чем она могла заговорить снова. «Я подразумеваю, что мы не знаем, что это. Огни в небе ... они могут быть метеоритами. Я видел их много...»

Искаженное лицо женщины напряглось. «Не пори чушь!» Она впиалась взглядом в отца Леона. «Амес, действительно ли твой мальчик такой же большой дурак, как производит впечатление? Посмотрите же вон туда!» Она продолжала указывать вверх. «Легионы Астартес прибыли!»

Юноша обратился к отцу для поддержки, но Амес покачал головой; и снова горожане заговорили все сразу и независимо от того, что он сказал, все это было бы проигнорировано.

+++ Радиопередача Минус Восемь Недель

[Солнечная Система] +++

Поезд из пустых грузовых капсул проходил через ультрафиолетовую антибактериальную зону из узкого прохода Небесного Лифта, комплекс захватов клещевого типа и контакты магнито-рельс, движущихся взад и вперед. Случайные вспышки искр и бегущих огней отбрасывали слабое, спорадическое освещение на пол складских комплексов космического лифта. Идентичный поезд капсул перемещался в противоположном направлении, загруженный вакуумно-запечатанными пачками сушеных сублимированных зерновых культур. С треском механизмов линия из шести капсул сцепилась с линией подъема, и они стали спускаться по крутому склону, пока поезд не встал вертикально. Головная капсула сцепилась, и они помчались вдаль, в ночь. Через два часа они были бы в зоне микрогравитации на станции погрузки на низкой геостационарной орбите. Там механический сервитор разгрузил бы поезд и переместил груз в зону подготовки, готовый ждать прибытия следующего межзвездного фрахтовщика. Операция производилась без участия человека, управляющего процессом.

На другой стороне сортировочной станции, поезд с пустыми капсулами вынужден был внезапно остановиться, по мере того, как они проходили под пристальным оком терагерцового сканера. Аварийный гудок дважды просигнализировал и поезд, стоящий на запасном пути, автоматически открыл все шесть капсул. Датчики паукообразного манипулятора развернулись с потолка и начали исследовать внутренности капсул, брызгая едкой пеной в темные углы. Датчик обнаружил что-то в одной из капсул, и начал подпрограмму контроля за вредителями. Не было еще такого случая, чтобы иноземные формы жизни проникали в экосистему колонии через процесс «разгрузки-погрузки». Ничто живое не могло пройти через Небесный Лифт, никаких пассажиров, только инертный груз. Место высадки, расположенное в Ноль — Один, являющееся космическим портом, было единственным пунктом контакта между иноземцами и колонией, хотя использовалось очень редко. Транспорты, которые иногда прибывали к правительству планеты, привозили товары, но главным образом они прибывали, чтобы собрать урожай и забрать его. Команды судов не рисковали спускаться вниз на поверхность; они позволяли своим когитаторам вести дела по прибытию и убытию. Никто не хотел приближаться к Виргер-Мосу II ближе, чем это было необходимо.

Датчики нашли свою цель и заключили ее в скобки взрывами горячей жидкости; но форма жизни внутри прорвалась через кипящий дождь и выкарабкалась на пол склада. Автоматизированная система не была запрограммирована, чтобы ожидать что-то похожее на интеллектуальное поведение от ксено-вредителя, и так ничего не сделала, поскольку человек уже снимал одежду, которая защищала его от холода, складывая ее в рюкзак на спине.

Он снял рюкзак, разделил его на две дискретных подсекции и спустя несколько минут подготовки вышел. Вновь прибывший небрежно пробивался через склад, заботясь, чтобы обойти автономные погрузчики, пока не достиг одного из немногих отсеков обслуживания, открытых для людей. Десятилетия он не использовался и потребовалось усилие, чтобы открыть двери; но как только он это сделал, человек пробился из отсека на бульвар.

Поскольку хозяева обучали его исключительно хорошо, никто в Городе Сорок-Четыре не обращал на него внимания; по крайней мере, только когда он хотел этого.

Он переоделся в непримечательную, но хорошо экипированную одежду путешественника, и после пересечения по кругу границ городка, повернулся и приблизился с востока. Могло показаться, что он вернулся с плантаций вечером, разгоряченный и весь в пыли.

Ему не нужно было спрашивать указаний или даже консультироваться с детальной топографической

картой, скопированной с файлов Департамента Колоний Терры. Каждый город, как этот, был таким же как и другие; не в буквальном смысле, но одинаковым по характеру проложенных дорог и построенных зданий. Динамика колоний соответствовала множеству других человеческих миров; индивидуальность пространства, из-за отсутствия лучшего слова, была похожей.

Как раз тогда, когда Мендекс позволил себе быть втянутым огнями и шумом, раздающимися из таверны, он открывал свои чувства Городу Сорок-Четыре. Он хотел узнать его; это он делал разными способами.

Он вошел в гостиницу и немедленно узнал о каждой паре глаз, смотрящих на него. Это его не удивило; незнакомый посетитель в отдаленном городке, таком как этот, был схож с незначительным чудом. Как раз когда он пересек комнату к стойке на противоположной стороне, начались разговоры, заполненные предположениями о том, кем он был или откуда он мог бы быть.

Он заказал бутылку грубого местного пива у механического слуги за прилавком, и начал ждать первого из них, у которого есть достаточно смелости, чтобы приблизиться. Он воспользовался замешательством, наливая пиво в стакан и используя момент, чтобы осторожно рассмотреть помещение. Тут и там стояли складные стулья и игорные столы. Регидид оказался популярным в этом месте, и это было хорошо; это давало ему точки соприкосновения с местными жителями, которые он мог эксплуатировать.

Наконец, когда одна треть пива была выпита, человек заговорил с ним.

— Извините, эсквайр, — начал он, склоняя голову. — Силас Кинкейд. Я могу спросить, вы не с ранчо Толливер?

Это был плохо скрытый гамбит, предназначенный, чтобы вытянуть из него, откуда он, но это было именно то, чего он хотел.

— Боюсь, вы ошиблись, — ответил он с улыбкой. — Меня зовут Мендекс. Ах, я уже уйду.

— О, я вижу, — сказал Кинкейд, хотя было ясно, что он не понял. — Вы путешествуете? У меня есть стоянка с любимыми роверами. — Мендекс уловил аромат машинного масла от человека.

Он тряхнул головой.

— Я иду пешком. Из ближайшего поселения.

Глаза Кинкейда расширились.

— Из Два — Шесть? Это действительно длительная прогулка!

— Два — Шесть, — Мендекс с поклоном повторил. -Точно. И там засуха. -Он мягко изменил свой тон, говоря более размеренно, подстраиваясь к манере говора поселенцев, его речь наполнилась грубыми гласными, подражая акценту механика-колониста. -Я предполагаю, что именно это вызвало у меня жажду. — Он отсалютовал ему пивом, и Кинкейд кивнул с ухмылкой, заказывая то же самое для себя.

— Промочить глотку, это правильно.

Мендекс видел, что соотечественник Кинкейда — полный человек, юноша и суровый человек в тунике — сидели без дела за игорным столом, пытаясь казаться не заинтересованными вновь прибывшим.

— Я хотел бы внести свой вклад, — он продолжал, показывая на сумки, которые принес. — Предлагаю немного развлечься.

— Игры? — Кинкейд поднял бровь. — Вы играете в «замки», э? — Это был общий вариант регицида, который появился намного раньше, чем Великий Крестовый поход, Мендекс отлично знал эту игру и много способов жульничества в кругу игроков.

Он кивнул.

— Я любитель.

Кинкейд уже уходил.

— У нас есть лишнее место здесь. Подходите и присоединяйтесь, если вы захотите.

— Безусловно. — Мендекс взял свой напиток и проследовал за ним.

В течение нескольких часов он медленно позволял себе терять небольшое количество Имперских ассигнаций, и взгляды на лицах Кинкейда и его партнеров, когда Мендекс предложил возместить ущерб единственным золотым Троном, сказали ему, что он хотел знать. Он бросил монету на доску и наблюдал ход их мыслей на лицах.

Толстяк Праель видел себя властелином всего, но в действительности он был разрушающейся личностью, важничающим и самоуверенным. Мендекс не сомневался, что другие сидевшие за столом проводят все время с Праелем, в этом маленьком городе не было места, где они не могли избежать его компании и пренебрежительного отношения к себе. Строгий человек, Киитер облизнул губы, при виде монеты; но юноша, его сын, показал совсем другой вид жадности. Мендекс заметил, что мальчик был чужим среди мужчин, и жаждал чего-нибудь интересного.

Они теперь болтали дружелюбно, как хорошие друзья, знакомые в течение многих лет. Это был дар Мендекса, он умел читать людей так же просто, как дышать, и был искусен в вовлечении других в то, что походило на вежливую, случайную беседу. Это факт, людям нравится говорить о себе, и они будут делать это часто, стоит дать им малейшую возможность и подтолкнуть к этому.

Только мальчик продолжал исследовать его; и через некоторое время, Мендекс понял, что пришло время раскрыть немного своих собственных тайн.

— Я путешествую по всем внешним колониям в Доминионе Штормов, — объяснил он. — Я — летописец. — Он поглядел на юношу. — Ты знаешь этот термин, Леон?

Взамен он получил энергичный кивок. — Вы создаете художественные работы для Администратума. Документация славы Империиума.

— Слава?— сказал, ухмыляясь, Амес, совершенно не маскируя свою кислую мину. — По большей части ее нет даже поблизости, скажу я вам.

— С уважением, я не соглашусь, — сказал Мендекс. — Золотые океаны зерна, прекрасный синий цвет ваших небес ... О, сэр, красота есть и здесь. И это пригодится для всех тех, кто войдет в залы Терры, чтобы узнать об этом.

— Вы ... вы были на Терре? — спросил Леон, испытывая благоговение при этой мысли.

Мендекс знал, что этим он покорила юношу.

— Мой молодой друг, я родился там.

— Неужели? — сказал Праель. — Походит на то, что про нее говорят?

Он сделал торжественный поклон, изображая драматичность момента.

-Это так, эсквайр Праель.

— Ка-как вы говорите нам об ... этом? — Леон наклонился вперед пристально, ловя каждое его слово.

— О чем?

— Обо всем этом! — волнение юноши не имело пределов. -Я всегда хотел увидеть Солнечную систему!

Мендекс снисходительно улыбнулся мальчику, и мудро, сдержанно кивнул другим мужчинам. «Я планирую остаться здесь на некоторое время. Я уверен, что могу рассказать вам несколько вещей».

Позади него открылась дверь таверны, и комната вновь затихла в течение краткого момента. Мендекс повернулся, чтобы увидеть серьезно выглядящего человека в оранжевой кепке и серых одеждах, идущего через зал. Люди начали отодвигать свои стулья, чтобы встать перед ним, пока он подходил к бару.

— Орен Яко, — объяснил Амес. — Он — телеграфист здесь. Приносит регулярную еженедельную новостную радиопередачу с проводов.

— Это — хорошее место, чтобы развлекать нас, — отметил Праель. — У нас здесь нет проводов к отдельным зданиям, как это сделано в Два — Шесть или столице. Во всяком случае, нет больше места где-нибудь еще для людей, чтобы провести вечер поблизости, хех?

— Интересно. — Мендекс наблюдал, как Яко подключал толстую бобину данных в пульт около бара.

Телеграфист откашлялся.

— В этот день новости от ядра достигают сельскохозяйственной колонии Виргер-Мос II. Это — сообщение с Терры.— он нажал разноцветные кнопки, и из скрытых спикеров в потолке начал говорить синтетически звучащий голос.

Наряду со всеми остальными, Мендекс сидел тихо и слушал успокаивающий поток проимперской пропаганды. Все хорошо. Ренегат Воитель отступает. Есть победы на Калте, Мертиоле и Сигнус Прайм. Вам нечего бояться. Император победит.

Он улыбнулся, поскольку наблюдал, как они ее слушали, и это немного разочаровало его. Здесь ему вызов не бросят. Это будет столь же просто как и везде.

После того, как бобина закончилась, беседа продолжилась о содержании радиопередачи, и Мендекс видел недомолвки и дезинформацию, принятую всеми в таверне, как будто это было истина, не подвергающаяся сомнению. Он симулировал усталость тогда, когда Амес упомянул, что у него были комнаты для аренды. Пара больших золотых тронов скрепила сделку, и унылый человек приказал, чтобы его сын сопровождал летописца назад к общежитию. Леон запнулся и упал в рвении нести багаж Мендекса, и вместе они пошли назад вдоль бульвара. Тем временем спустилась ночь, и воздух был наполнен свежестью и прохладой.

— Только ты и твой отец живете здесь? — спросил он.

Юноша кивнул.

— Черная пыль убила мою маму несколько сезонов назад.

— Я сожалею.

— Спасибо. — Леон качнул головой. Он не хотел останавливаться на этом. — Где вы родились на Терре? Это был Мери́ка, или Хай-Бразил? Бания?

— Вы знаете регионы Атлантики? Я вырос в городе немного больше этого, хотя пейзаж весьма отличался, — это была нечастая правда в его арсенале лжи, но такие детали всегда служили основой устойчивой легенды.

— Я знаю, я знаю! — Леон говорил о Великих равнинах огромного мертвого океана и горах, которые разделили его напополам, с энтузиазмом ревностного поклонника. Он повторял механические описания, и Мендекс предположил, что мальчик вспоминал страницы пикт-книг, которые он перечитал раз по сто. Он начал постоянную бомбардировку вопросами, которые сопровождали весь их путь вниз по улице. Мендекс когда-либо был на Луне? Городе Просителя? Каково это, рассматривать императорский дворец? Он когда-либо видел космического десантника?

— Я был в присутствии Легио Астартес не раз. — И примархов, хотя этот факт он придержал в себе. — Они походят на богов войны, сделанные из плоти и металла. Ужасные и красивые. Леон беззвучно, испуганно выдохнул.

— Я хотел бы их тоже увидеть.

— Действительно ли ты уверен насчет этого? — спросил Мендекс, поскольку они уже вошли в общежитие. — Где шли они, за ними по пятам следовала лишь война. Для этого они и были созданы. — Мальчишка станет его барометром, решил он. Через него он будет в состоянии понять масштаб настроения сообщества, и в дальнейшем, всей колонии. Юноша тяжело сглотнул.

— Я много читал о них. Я удивлен ..., — он поймал себя и остановился перед дверью в комнату для гостей.

— Чем удивлены? — спросил Мендекс, когда взял ключ из протянутой руки Леона.

Леон глубоко вздохнул.

— Как они могут бороться друг с другом? Брат против брата? Это не имеет никакого смысла!

— За этим стоит Гор Луперкаль.

Это имя заставило мальчика вздрогнуть.

— Как? — он повторил. — Какое безумие поразило Легионы и заставляет их нападать друг на друга? Прошло больше двух солнечных лет, и конфликт уже бушует везде. Даже здесь, куда известия о войне никогда не доходили. — Он покачал головой. — Холокост Истваана и все, что следовало за этим, могло быть только работой безумца!

Мендекс взял свои сумки и вошел в комнату.

— Я даже не буду пытаться тебя переубедить, — сказал он. — Просто не пытайся представить себе мышление и образ действий воинов из Легионов Астартес, Леон. Они не такие как мы. — Непроизвольная нотка редкого, настоящего страха вкралась в его голос. — Они — на порядок выше

нашего незрелого человечества.

Он закрыл дверь в комнату и стоял в тишине, слушая, пока не уверился, что мальчик ушел. Затем он провел целый час, обводя все вокруг прибором ауспика с искусственным свечением, позволяя устройству вдохнуть воздух для исследования электромагнитных волн, тепловых образцов или чего —нибудь еще, что могло бы указать на присутствие подслушивающих устройств. Мендекс знал, что он ничего не найдет, но хорошая специальная подготовка заставляла его делать обследование помещения. Шпионские повадки были тем, что позволяло ему в конце концов оставаться в живых.

Он разложил свой багаж и одежду, обустриваясь в комнате. Это была гораздо лучшее пристанище, чем он ожидал, скромно, но удобно. Он видел прикосновения пожилых рук женщины к вещам, о которых теперь плохо заботятся. Остаток влияния умершей матери.

Когда он был готов, Мендекс открыл меньший отдел чемодана и расцепил тонкие скрытые застежки тайника под основным отсеком. Он нажал клавиши на кристаллическом пульте и привел внутренние системы в бодрствующее состояние. Автономные программы механизма когитатора провели ряд тестов, чтобы гарантировать, что прибор был в полной рабочей готовности, но он не ожидал проблем. Прибор был очень крепким.

Когда устройство прозвенело, Мендекс расстегнул мундир и вытянул маленький скипетр, спрятанный во внутреннем кармане, и разъединил его с микрофоном, вшитым в манжету. Он развернул дисковидную панель из скипетра, чтобы управлять записью, сжимая и подготавливая ее для передачи. У него была скопирована вся радиопередача Яко, голос и матрица, сделанная в почти безупречных деталях. Когда устройство было готово, он вставил жезл в порт данных и позволил записи передаваться.

Внутренности чемодана были набором продвинутой микроэлектроники и кристаллографической матрицы; оно было многофункционально: вокс-передатчик, прибор переменного диапазона, частотный радиоприбор, прибор контрмер, модулятор, анализатор данных и многое другое. Он сомневался, что кто-то на Виргер-Мос II мог постигнуть истинный потенциал прибора; даже в основных мирах технология этого вида была редка и запрещена.

Жезл испустил мягкий звон, и он удалил его, разворачивая экран из внутренней части чемодана, чтобы исследовать формы волны искусственно воспроизведенного голоса. Мендекс сделал паузу, исследуя образец способом, которым художник рассматривал бы чистый холст, прежде чем нанести первый мазок.

Он сделал паузу; здесь было сухо и тепло, и задача, которую он собирался выполнить, требовала времени. Он сбросил с тела тунику и закатал рукава рубашки для удобства, прежде чем поднял свое редактор-перо.

Если бы кто-то из посторонних был в комнате с Мендексом, видя, как он двигался, то они, возможно, обратили взгляд на изображение, вытатуированное на внутренней части его предплечья зелеными чернилами, символ мифической гидры, ее поднятый хвост и три головы, отклоненные назад и готовые к броску.

+++ Радиопередача Плюс Одиннадцать Часов

[Солнечная Система] +++

Пылевой шторм назревал где-то на равнинах, и в то время как он был слишком далеко от Города Сорок-Четыре, чтобы нанести ущерб, его вытянутые края скоблили предместья, затемняя небо и неся небольшие волны песка вниз по улицам.

У некоторых из людей, которые собрались вне станции телеграфа, были приготовлены защитные очки и маски, висающие на шеях; другие уже одели их. Наряду с масками, все были при оружии, которое носили открыто. Главным образом, это были мелкокалиберные стаберр-винтовки и силовые жезлы, используемые для подавления зерновых паразитов. У некоторых были сельскохозяйственные орудия, хотя против какого врага они надеялись защититься ими, было неясно. Это был больше вопрос наличия оружия для тех, кто был там, чтобы успокоить себя, а не чтобы иметь возможность фактически применить его в конфронтации.

У Даллона Праеля была единственная вещь, которую можно было считать «современным» оружием с большой долей вероятности. Лазерной винтовке, которую он крепко держал, было более чем сто сорок лет, завещанной семье Праеля великой прабабушкой, которая служила с честью в Имперской Армии. Реликт мерцал в искусственном освещении, и полный человек нес ее, как будто это был знак его должности.

В Городе Сорок-Четыре никогда не было констебля; никогда не было потребности в судебных приставах для защиты от неожиданного нападения со стороны Ноль-Один. Но Праель видел себя как некоего справедливого человека, как будто обладание винтовкой сделало его наследником этого статуса.

Он поглядел на Амеса Киитера, который стоял с неизменным мрачным выражением, свирепо глядя перед собой и сложив руки на груди. Владелец общежития угрюмо кивнул. «Цель этого сбора?»

Праель огляделся вокруг. Никто не делал объявления, но тем не менее большинство жителей собрались, здесь были представители из почти всех семей, которые жили в доминионах. Те, которых не было здесь, обсуждались остальной частью, их имена произносились напрасно. В конце концов, если вы не встали и не пришли, то тогда вы должны скрывать что-либо, не так ли? Вы должны были бояться принять эту сторону.

Никто не делал ничего глупого — ударил кого-нибудь или пугал оружием, но ситуация накалялась. Вопросы и разногласия проносились в головах, жесткие обсуждения добавляли огня для гнева. Праель слушал, рискуя прерывать кого-то, когда он думал, что был в праве объединить всех. Весь разговор разделился на две противостоящих точки зрения, и ересь становилась все больше с каждым мимолетным моментом. Вместо того, чтобы прийти к согласию, импровизированный сбор горожан трещал по швам.

Если Император был действительно мертв, как некоторые говорили, то что это означало для людей колонии, этого городка? Что это действительно означало?

Праель в своей душе сомневался, что сообщение по телеграфу было подлинным. В конце концов, существовали механизмы, чтобы удостовериться, что сигналы астропатов из Солнечной системы и основных миров были не искажены. Ему сказали это другие радиопередачи, и он верил этому. Он не должен был знать, как это работало, а только то, что это было правдой. Хотя он не любил природу фанатичного слова, у него была вера.

В сообщении было сказано, что Император мертв; таким образом, он знал правду. И куда человеку

подобному Даллону Праелю уходить отсюда? Гор теперь был на троне Терры, и он будет собирать свою новую империю. Они все знали истории миров, обращенных в пепел, которые бросили вызов Воителю — как планеты Таевианских звезд и других соседних подсекторов, сожженных и обращенных в каменные глыбы.

Некоторые голоса призывали к подчинению, для интеллектуального, логического курса действий. Они хотели поднять флаг Воителя, пылающий Глаз Гора на каждом вымпеле. Другой путь состоял в том, чтобы спасти себя, при этом не объявляя их лояльность новому Королю-Императору? Если они выберут иначе, когда легионы Астартес наконец придут, то они будут поражены карающим мечом.

Другие высказали отвращение такой идее. Это был имперский мир, в конце концов. Основанный Террой и Императором, приведенным к покорности Империумом, созданный кровью и потом имперских граждан для обслуживания Империума Человечества. Лояльный мир лояльных колонистов, таких, кто должен справедливо плюнуть с ненавистью в глаза убийце-ренегату Гору Луперкалю.

Праель слушал потоки аргументов, но придерживал собственный язык. Система Виргер-Мос была настолько далека от Терры, столь изолирована и отдаленна, что она только названием относилась к Империуму. Он посмел задать себе вопрос — какое это будет иметь значение?

Какое для этого мира имело бы значение, кто управляет отдаленной Террой? Гор или Император? Какое это может иметь значение? Они все еще выращивали бы свое зерно и посылали бы его, они будут все еще рождаться, трудиться и умирать под тенью Небесного Лифта. Единственное изменение было бы цветами на флаге и голосом в радиопередачах. Итак, его верность ничего не стоит? Лояльность единственной колонии к ее призрачному миру, столь хрупкому и бессмысленному, что она могла быть сломана какими-то огнями в небе и призрачной угрозой репрессий?

— Мы не можем просто отвернуться, как псы! — Праель поразился, позволяя мыслям озвучиться во внезапной вспышке. Его глаза горели силой, внезапно поддавшись эмоциям. — Мы что, так слабы?

— Это не слабость, это — прагматизм! — Амес Киитер передернул затвор, резко возразив, поддержанный горсткой кивающих людей. — Это ничего не значит для нас, находящихся в самой заднице Трона Терры! Таким образом, мы дадим любую присягу, ведь так? По крайней мере, мы выживем! Я не собираюсь потерять все, что я имею во имя кого-то, кого я никогда не видел, кого-то, кто даже не знает, что эта планета существует!

Праель сделал угрожающий шаг к другому человеку.

— Вы не понимаете!

— Это мог бы быть даже не Гор, об этом вы подумали? — парировал Амес. — Возможно, это остатки стойких приверженцев Императора, прилетели сюда, чтобы сделать из планеты оплот павших!

Позади них дверь в офис телеграфа хлопнула, открываясь, и Орен Яко вышел, перемещаясь безжизненно, его лицо было бесцветным. У него все еще был сложный набор наушников в руках, которые он носил во время работы над телеграфным пультом. Свободный провод тянулся за ним, свисающий из имплантанта позади его шеи.

Никто не сказал ни слова, когда Яко побрел вниз по дороге с пустым утомленным лицом. Единственный звуком был скрежет и протяжный звон кабелей, колеблющихся отголосками штормового ветра над их головами.

Наконец, телеграфист заговорил, повышая голос, чтобы его услышали. — В этот день новости от ... Новости достигают колонии....— Он пытался сохранять профессиональный тон в своих словах, но потерпел неудачу. Яко сглотнул и начал снова, стараясь избежать формализма. — Фрагментарная радиопередача передана по проводам. Это было сделано по частям, и мне потребовалось много часов, чтобы повторно собрать ее. Спорадические сообщения от Ноль — Девять, Один — Пять и Капитолия.

— Десантные капсулы, — спросила женщина. — Действительно ли это — Сыны Гора?

Поток других вопросов прорвался после нее, и Яко замахал руками, пронзительно закричав.

— Тихо! Тихо! Слушайте меня! — Он дрожал, несмотря на теплоту вечернего воздуха. — Это моя обязанность — сказать вам всем, что уважаемый эсквайр Лиен Тошек, избранный Империем губернатором колонии Виргер-Мос, покончил с собой в этот день в своих палатах. Там ... замешательство в связи с этим продолжается.

Рябь реакции пересекла маленькую толпу. Праель ничего не сказал, его потные пальцы теребили корпус лазерной винтовки. Тошек покончил с собой, не устояв перед вторжением. Сколько других сделало бы то же самое, напуганные Воителем, страшась даже мысли о столкновении с его Легионами?

— Есть другие, — продолжал Яко, встряхиваемый предзнаменованием о его новостях. — Другие городки передают неподтвержденные сообщения ... наблюдения. — Он облизнул свои губы. — Массивные фигуры в темной броне были замечены продвигающиеся от города к городу. Те поселения, которые послали такие сообщения, вскоре замолчали после этого.

— Космические десантники, — выдохнул Амес. — Трон и кровь, они действительно здесь. — Он кивнул себе с холодной торжественностью человека, стоящего перед колодой палача. — Я знал это.

— Нет! — скоропалительно выкрикнул Праель. — Нет, мы этого не знаем! Он схватил руку Яко. — Вы сказали «неподтвержденные». Это означает, что это может быть какой-нибудь ошибкой, или...

— Открой свои глаза! — закричала женщина. — К нам вторгаются, ты, идиот! — Ее слова стали искрой к воспламенению, и все на улице закричали и завопили.

Паника поражала Праеля как волна, и он чувствовал крах настроения горожан. Он понял, что если не начнет действовать сейчас, целое поселение развалится. С пыхтящим усилием он поднялся на капот оставленного трейлера и махнул ладаном в воздухе, заполняя свои легкие, чтобы закричать.

— Слушайте меня! — проревел он, привлекая их внимание. — Я жил своей жизнью в этом городке, точно так же как все вы! И Гор Луперкаль может уничтожить все, о чем я забочусь! — Он встряхнул винтовкой, находя новый прилив желания внутри себя. — Я умру прежде, чем позволю ублюдку предателю и его ренегатам забрать мой дом у меня! Я быстрее сгорю, чем сдамся!

Его тупое, но действенное красноречие было встречено рваным хором приветствий из толпы тех, кто чувствовал то же самое, но было все еще большое количество тех, кто наблюдал, глумясь над его словами.

И именно тогда, с его более высокой точки обзора, Праель увидел, что что-то приближается. Огни, качаясь, поскольку они двигались, и звук двигателя позади них. Что-то темное и большое, пойманное в нимбе шторма, спускалось по главной дороге от края города.

— Это — они! — заорал кто-то. — Они уже здесь!

Толпа рассеялась, некоторые из них спотыкались друг об друга в дикой поспешности, другие, бежали, чтобы найти какое-нибудь укрытие от приближающихся.

Движения его рук были автоматическими; Праель схватил лазган, поднимая к плечу, его глаза осматривали железные достопримечательности. Обучение и дни стрельбы опрыскивателем по паразитам не прошли даром. Старая лазерная винтовка нагрелась и ожила. Его палец лег на рифленый пусковой крючок.

Темные фигуры приближались, двигаясь в облаке пыли. Праель задавался вопросом, что было там, позади тех огней. Бронированные танки, огромные транспортные средства? Возможно, это была всего одна линия идущих Легио Астартес? Он слышал, что они делали это, для чтобы скрыть свою численность.

— Праель! — Амес кричал на него, пытаясь стянуть с трейлера. -Спускайся оттуда, ты, ничего не стоящий идиот! Ты убьешь нас всех! Уберите чертово ружье прежде, чем они увидят тебя!

Всю свою жизнь Даллон Праель хотел быть чем-то большим. Быть больше, чем только солнцезахватчик, найти смысл своего существования. Нет, больше чем это. Он хотел быть героем.

Его палец напрягся на спусковом курке. Он был бы героем. Даже если он должен был умереть, чтобы сделать это. Он преподавал бы этим захватчикам урок.

Лазган выпустил импульс блестящего красного света с воплем разрываемого воздуха, и выстрел попал в десятку, Праель сделал это.

Он выдохнул и внезапно почувствовал головокружение. Он ждал ответа. И дождался.

Ветер и пыль двигались и проносились мимо него с потрескиванием песка, и Праель спустился вниз, продвигаясь к его намеченной цели. Раздражающий дым вился в воздухе, и он уловил запах сожженной плоти.

Он остановился и посмотрел на лежащий труп Силаса Кинкейда, тело выпало из седла работающего трёхколёсного ровера. Большая часть лица механика была почерневшим куском мяса, лазерный заряд попал чуть выше правого глаза.

Праель начал дрожать, винтовка выпала из обессиленных пальцев.

Наконец Яко попытался организовать окружающих. В то время как Праель побрел на участок, плача как ребенок, телеграфист обращался к горожанам с просьбой найти все, что они могли, чтобы забаррикадировать дороги в и из Города Сорок-Четыре. Они повиновались, главным образом из потребности чувствовать, что они делали кое-что, что имело значение вместо того, чтобы только ждать смерти.

Тело Кинкейда было убрано, кто — то подобрал лазган Праеля. Механик поехал к Ноль — Один в поисках информации, и теперь они никогда не узнают то, что он должен был сказать им; большая часть города уже предположила, что Силас был мертв или боялся, что блуждающие захватчики, там, в темноте, убьют его прежде, чем он когда-либо достигнет Капитолия за горизонтом.

Яко предупредил их, что Легио Астартес придут сюда. Это было неизбежно. Небесный Лифт был здесь, и это делало его тактическим местоположением. Они должны были защитить его — или от

вторгающейся армии, прибывшей, чтобы поднять свой флаг или для бригады защитников, прибывших, чтобы защитить их от бессердечного диктатора. Космический лифт был всем, что у них было ценного в городке, ради которого их могли уничтожить.

Орен Яко был наиболее обеспокоен вопросом того, что сделает он, когда наконец узнает, кто прибыл на Виргер-Мос II. Силы Императора или Легионы Гора? Однако, какое это имело значение для них?

+++ Радиопередача Минус Две Недели [Солнечная Система] +++

Название книги было «Инсигнум Астартес: Uniformы и Регалии космических десантников», и это был реальный том в традиционном значении слова. Не пикт-книга, которую можно прочитать на планшете данных, а физическим объектом, сделанным из пласт-страниц, именно такая, как всегда одобряла его мама.

Леон с большой заботой обращался с ней, поскольку корешок был стар и клей, держащий вместе шероховатые страницы, пожелтел и превратился в порошок.

Он просматривал уменьшенные изображения бронированных воинов, сделанных пиктером или художественные работы, когда они шли по полю битвы как мифические штормовые лорды. Он знал изображения очень хорошо, каждый оттенок, линию и цвет. Он знал каждое слово в книге наизусть. Изношенные перечитыванием страницы изображали детали символов Легионов, баннеров и знаков отличия, основных фактов о природе Легио Астартес и их боевых доктрин. Книга пахла возрастом и торжественностью. Под ногами лежали сделанные от руки эскизы, которые были полны кропотливых деталей, нарисованные на бумажных обрывках, они также лежали грудой под его кроватью.

Наброски Леона были сырыми по сравнению с иллюстрациями в книге, но тем не менее он отражал все свое стремление в них. Лучшие из его работ были прикреплены к стенам в его маленькой, узкой спальне, наряду с пожелтевшими вырезками газетной бумаги, и страницами рекламных листов, выдаваемых колониальными властями. Остальная часть его книг и пикт-слайдов лежали на пластмассовых полках над кроватью. Они стояли рядом с коллекцией статуэток, некоторые были отлиты из металла и ярко разрисованные, другие вырезаны из дерева, которые Леон сделал самостоятельно. Комната юноши была его собственным способом, посвящением большим мечтам об Императоре и его воинах, к их славе и славе человечества.

Главное место занимал единственный цилиндр, крупнокалиберный, сделанный из латуни, отполированный до яркого блеска: использованный болт-снаряд. Он отложил книгу и достал его, зажимая между большим и указательным пальцем, поворачивая так, что поймать свет. Не впервые, Леон задавался вопросом, где был произведен выстрел, кем он был сделан. Он попытался изобразить масс-реактивный выстрел и повреждение, которое он вызвал при попадании. Кто был им убит? Этим вопросом он задавался наедине с собой. Леон попытался вообразить себя там в тот момент, наблюдая, как болт взял жизнь врага Империи.

Дверь в его комнату открылась, и Леон дернулся, вырванный из своих мечтаний. Он был настолько поглощен своими собственными мыслями, что не услышал приход отца; этот человек никогда не имел привычки стучать перед тем, как войти.

Тотчас же он увидел, что болт был зажат в руке Леона, и его лицо скривилось.

— Я вижу, что ты занят.

Леон покраснел, чувствуя себя глупо.

— Что случилось? — Он возился с болтом, не зная, куда его поместить. Человек, который продал ему болт, содрал кучу денег за него, и Амес избил его, когда узнал, сколько ассигнаций он «потратил в пустую» на приобретение; но болт выпал из магазина болтера космического десантника, и Леон Киитер, обладая им, чувствовал себя так или иначе связанным родством с воинами, которых он видел в книгах.

— Это является ничего не стоящим, и ты знаешь это, не так ли? — Отец Леона указал на медный цилиндр. — Он был, вероятно, поднят из грязи под ботинками какого-то идиота из Имперской Армии, ведь так. Космический десантник и на световой год не приближался к этому болту.... — Он неодобрительно оглядел всю комнату так, как он всегда делал.

Леон вел себя тихо. Он не хотел верить тому, что сказал Амес. В его глазах болт был реальный и настоящий, и это было всем, что имело значение.

— Я никогда не смогу постичь того, почему ты так много интересуешься этим ..., — он глумился над грубыми рисунками на стенах и металлических фигурками. — Всем этим. — Горечь омрачила тон его отца. — Космические десантники, Император, все они ..., они не заботятся о нас столько, сколько ты заботишься о них. Терра ничего не думает о Виргер-Мос или людях, которые живут здесь. Я продолжаю задаваться вопросом, когда ты собираешься вырасти и понять это.

Однако Леон ничего не сказал. Он не хотел повторять тот же самый бессмысленный аргумент, с которым они боролись сто раз.

Амес поднял картинку императорского дворца, вырезанную из брошюры, с потертыми и загнутыми краями. «Я знаю, ты думаешь, что однажды попадешь туда и увидишь это в реальности. Но рано или поздно, ты должен узнать, что этого не случится. Это — фантазия, сын. Ты родился здесь, и ты умрешь здесь. И Империя продолжит жить без тебя. Он не будет заботиться о тебе».

— Что ты хочешь? — Наконец сказал Леон.

Его отец нахмурился и отвернулся.

— Сделай кое-что полезное. Пойди на кухню, почисти горелку.

Леон подождал, пока он не ушел, и затем убрал болт. Он поместил копию Инсигнум Астартес назад на полку, где она будет лежать в безопасности и затем печально отправился выполнять данное ему поручение.

Он шел через пыльный участок травы позади общежития туда, где утроба горелки высывалась из подземной ямы и пнул решетку, открывая ее ногой. Леон позволил своему уму блуждать, притворяясь вместо этого, что он был на Терре, идя по залам Дворца Императора; но затем зловоние горелки достигло его, и приятная иллюзия была рассеяна реальностью. Хмурясь, он вылил ведро помоев в пусковую трубу и позволил печи начать свою работу.

По привычке он обернулся на Небесный Лифт. В это время дня солнце бросало тень космического лифта непосредственно на здание.

В тени, Леон нашел эсквайра Мендекса, сидящего в стороне со скрещенными ногами на траве с флягой воды и сумкой из ткани. Летописец работал над экраном пикта, перемещая по нему перо. Увидев юношу, он слегка улыбнулся, подзывая его.

Леон оставил ведро и вытер руки об брюки. «Прошу прощения, эсквайр», сказал Леон, когда подошел ближе. «Если от меня немного пахнет. Остатки еды, я избавлялся от помоев».

Мендекс кивнул.

— Это не заметно. Ты в порядке, Леон?

— Нормально. — Он кивнул на переносной экран. — Что это вы делаете?

— Сам посмотри. — Мендекс предложил ему устройство, и Леон взял его осторожно, боясь, чтобы не коснуться любой из клавиш или кнопок вокруг экрана пикта.

Полузаконченное изображение было сосредоточено в середине экрана, эскиз линий городка с мелкого возвышения, где располагалось общежитие. Небесный лифт доминировал над рисунком.

Леон чувствовал краткую вспышку ревности. Навыки владения ручкой Мендекса были на порядок выше грубых попыток юноши, и даже незаконченный набросок заставил его рисунки быть похожими на работу младенца. Он кивнул.

— Это внушительно.

— Это будет основанием для живописной картины, возможно, — сказал Мендекс с легкостью. — Мы увидим это, когда я закончу.

Леон не отвечал, летописец изменил выражение лица, оно нахмурилось. Прохладный, настойчивый пристальный взгляд другого человека, казалось, был направлен на юношу, и он хотел отвести взгляд.

— Твой отец ... — Мендекс сделал паузу, ища правильные слова. — У него, кажется, нет чувства прекрасного.

Леон мрачно кивнул.

— Угу.

— Но, несмотря на это, твоя мама все же ценила его.

— Как вы узнали?

Мендекс улыбнулся.

— Поскольку ты делаешь это, Леон. И потому что есть все еще ее слабые следы в вашем доме. — Он остановился, внезапно заинтересованный. — Прости меня. Я говорю не к месту?

Леон покачал головой.

— Нет, нет. Вы абсолютно правы. — Он вздохнул. — Я хотел бы иметь талант, как у вас, но я не могу.

— Я уверен, что твои навыки уравновешены другими способностями,— предположил летописец.

— Мой отец, кажется, так не думает.

Мендекс изучал его.

— У отцов и сыновей всегда непростые отношения. Это правда, которая охватывает галактику. Каждый тянет против другого ..., каждый бунтует, бросает вызов ... другие попытки держаться за старый устав вещей, вопреки рассудку.

— Мы не все видим одинаково,— Леон вздохнул. — Он думает, что Империиум игнорирует нас здесь, на периферии. Он говорит мне, что это — все далеко и недостижимо. Терра и все те вещи.

— Это так же верно, как и ложно,— сказал Мендекс, — но я думаю, что эсквайр Киитер не узнает об этом разговоре.... — Он наклонился. — Ты считаешь, что он прав?

— Нет, — немедленно ответил Леон. Он начал медленно закипать внутри. — Он не видит то, что вижу я. Он слеп, слишком уперт в своих убеждениях. И он хочет, чтобы я следовал по его стопам. Я попытался заставить его видеть вещи как я, но он не хочет и слышать этого. Он думает, что... — молодой человек сделал паузу. — Думаю, он полагает, что я отворачиваюсь от него.

— Предатель вашей семьи. — Речь Мендекса звучала непринужденно. — Это странно, не так ли? Как отцы и сыновья могут быть настолько близкими, но в то же самое время такими далекими друг от друга? — Он сделал паузу и отвел взгляд. — Ты предполагаешь, что Гор Луперкаль разделит меру того, что ты чувствуешь теперь, Леон?

— Что? — Вопрос прибыл из ниоткуда, и из-за него Леон чувствовал себя смущенно. — Нет! Я подразумеваю.... — Он остановился и покачал головой. — Император и примархи не походят на нас.

Идея казалась смехотворной.

— Нет? — Мендекс возвратился к рисованию эскизов, пером нанося на экран маленькие штрихи. — Даже те, кто превосходит человечество, должны произойти от него. Узы семьи, братства и отцовства ... Они все еще существуют в них. Они не могут избежать таких истин. — Летописец оглянулся на него. — Точно так же как ты, Леон. Это то, перед чем должны оказаться все мужчины. Вопрос: я могу бросить вызов своему отцу?

— Вызов Воителя стоил жизни миллионов, — выпалил Леон.

Мендекс отвел взгляд снова.

— У каждого выбора есть своя цена.

+++ Радиопередача Плюс Двадцать два Часа [Солнечная Система] +++

Леон, напряженно слушая, присел на подоконник, свет в его комнате был потушен. Из нижележащего городка доносились звуки бьющегося стекла и треск оружейного огня. Он похолодел изнутри, наблюдая клубы черного дыма, поднимающиеся в вечернее небо. Слабый отблеск огней был виден на улицах и аллеях; он предположил, что универсальный магазин горел, но он не мог понять, почему кто-то захотел бросить в него факел.

Прошло несколько часов с тех пор, как его отец уехал, приказав, чтобы он ни в коем случае не оставлял

общежитие. Амес не знал, что его сын видел, как он достал револьвер, который скрывал в подвале, и спрятал его за пояс прежде, чем вышел. Леон попытался понять, что это могло бы значить. Почему его отец нуждался в оружии, если он не знал, что опасность дошла до Города Сорок — Четыре? Или была ли другая причина? Другой вид угрозы?

Руки Леона сжались при осмотре комнаты, слабые легкие тени легли на его картины. Он хотел сделать что-нибудь, но не знал, что именно нужно сделать. Ни одна из его книг или его рисунков не могла дать ему ответ.

Тогда он услышал, как скрипнула дверь внизу. Леон мигнул и всмотрелся в окно; что-то казалось неправильным. Его отец вернулся?

Вместо этого он увидел движущуюся фигуру с места, куда не попадал свет из городка, бегущую от дома. Фигура делала все возможное для пребывания в тени, стараясь не выходить на свет.

Это мог быть только Мендекс; но человек двигался способом, который Леон никогда не видел прежде, почти как будто весь язык его тела прошел тонкое изменение. Подверженный внезапному порыву, юноша поднялся на ноги и последовал за ним.

Курс летописца проходил по окраинам городка, и проживший всю жизнь в пределах его границ Леон скоро понял, куда Мендекс направляется. Улочки и переулки, которыми двигался человек, были частью карты мира юноши, местами, где он бегал ребенком, играя в Большой Крестовый поход с друзьями.

Мендекс достиг основания Небесного Лифта, его путь избегал всех мест, где собрались жители Города Сорок — Четыре. Держась на расстоянии, Леон попытался не позволить окружающему вокруг него отвлекать от преследования; но было нелегко отбросить отблески огня и крики.

На углу Адъюнкта несколько мужчин было повешено на фонарных столбах, они колебались на ветру, шнуры, стягивающие их шеи, скрипели на ветру. Леон узнал лица из таверны, теперь раздувшиеся и бледные. Вверху бульвара было видно, как люди строили баррикады, хотя было слишком далеко, чтобы убедиться в этом. Несколько раз он видел небольшие группы людей, вооруженных всем, что хотя бы отдаленно напоминало оружие, некоторые крались по улицам, другие скрывались и ждали, как будто выжидая и заманивая в засаду. В некоторых зданиях были выбиты окна; он видел одно с именем Воителя, намазанным на парадной двери. Он не мог сказать, было ли это как предупреждение или как знак ненависти. На западной стороне телеграфный столб был срезан цепными пилами, валявшийся там, где он упал с хаотично порванными проводами на вершине.

Леон потерял из виду Мендекса, поскольку летописец приблизился к блоку обслуживания в основании космического лифта. Он был отвлечен сердитыми криками между двумя мужчинами, которые закончились резким треском ружейного огня. Один из голосов был знаком ему: Кал Муудус, сосед через нескольких дверей вниз по переулку. Он вопил что-то об Императоре, но его слова были бессвязны.

Приступ настоящего страха нахлынул на Леона, и это вызвало в нем желание остаться там, где он был в тени, и не бежать впопыхах назад к общежитию.

Он напрягся, стараясь собраться, чтобы найти хоть маленькую толику храбрости в себе. Мир Леона разрушался вокруг него в течение одного дня, и сейчас он начал задумываться, в глубине души сомневаясь, мог ли эскавайр Мендекс иметь некоторое отношение к этому. Напряженные отношения и невысказанные разногласия между поселенцами Города Сорок — Четыре были и прежде, чем Мендекс прибыл; но только после того, как он приехал, они вылезли на поверхность. Только после того, как

летописец поселился у них, тьма Великой войны, казалось, дотянулась своими чернильными пальцами до колонии.

Леон собрался и пробежал расстояние до блокпоста обслуживания. Дверь была заперта, но над ней была узкая шахта вентиляции, в которую достаточно тощий юноша мог пролезть.

Он ожидал быть оглушенным тревожными сигналами, но Леон упал на пол, сопровождаемый только грохотом ботинок об палубу. Он вжался в укрытие позади грузовой буровой установки, но звук его прибытия был потерян в устойчивом фоновом шуме внутренних работ Небесного Лифта.

Даже с проблемами в Городе Сорок — Четыре, механизированный лифт продолжал работать независимо, игнорируя человеческую драму вне его, он непрерывно переправлял поезд грузовых капсул к орбитальной станции передачи. Часть Леона была ослеплена собственной смелостью при проникновении через блокпост, и выполнении этого с таким небольшим усилием — но затем он вспомнил, что всех в поселении обучали, предупреждая никогда не входить во внутренние помещения. Просто машины внутри скорее всего убьют их случайно, но сделать так было нарушением колониального договора. Признанные виновными в этом были повторно классифицированы как нарушители договора и выслались в ледяные полярные зоны, чтобы отбыть там несколько десятилетий в наказании. Страх перед таким наказанием держал это место неприкосновенным.

Теперь, когда он был внутри, Леон был очарован тем, что увидел, движение орудий механикум, рельсы и составы поездов. Если муравей мог бы заползти в рабочий двигатель ровера, он возможно, испытал бы те же самые зрительные образы и звуки.

Движение обратило его взгляд к линии шести пустых капсул, их боковые панели заскрипели, открываясь одновременно. В начале линии Мендекс наклонился над пультом управления, работая над кнопками и выключателями ловкими, своеобразными движениями. Сразу же сирена издала низкий крик, и поезд начал перемещаться вперед, люки медленно опускались, запечатывая отсеки. Мендекс схватил свои сумки и бросил их в самый близкий отсек, прежде чем шагнуть туда самому.

Леон выскочил из тени, когда поезд тронулся, промежутки, оставленные дверями люка, становились все меньше с каждой секундой. Он знал, куда контейнеры двигаются, куда Мендекс должен был идти, к станции за пределы мира.

Если бы он ничего не сделал, то он никогда не узнал бы почему, никогда не узнал бы то, что случилось с его городом и его колонией. Но риск ... он рисковал сейчас больше, чем когда-либо раньше.

Так или иначе, он понимал это. В последнюю секунду Леон добежал до последнего контейнера поезда и нырнул под закрываемый люк. Контейнер прозвенел, поскольку дверь запечаталась, закрываясь с шипением воздуха.

Мальчик почувствовал резкий толчок ускорения, когда поезд перешел на рельсы подъема; и затем начался вертикальный подъем, Леон упал в угол, ударяясь головой об внутреннюю стену. Световые лампы мелькали в темноте перед его глазами.

Измененная когитатором программа сделала точно то, что хотел Мендекс, шунтируя грузовые контейнеры на запасной путь, как только они вошли в станцию передачи, вместо того, чтобы переместить контейнеры прямо на разгрузку. Он выгрузил и собрал свой механизм, делая паузу только для того, чтобы бросить кривую ухмылку в направлении конца поезда, и затем отошел.

Пластины силы тяжести на палубе станции передачи переместили ориентацию «верх» в «вниз», чтобы

колония была фактически под его спиной. Платформа непосредственно, на три четверти длины Небесного Лифта, была плоским диском, сформированным из трех разделенных зубчатых винтов; каждый из зубов винта был автоматизированной воздушной пробкой погрузки для грузовых тендеров, чтобы удержать их, хотя все, кроме одного, были свободны. Судно в занятой воздушной пробке было очень маленьким по сравнению с транспортными судами для перевозки зерна, которые обычно стояли в порту. Это был только простой варп-катер, немного больше чем судно курьера. Мендекс сделал все возможное, чтобы пристыковать его в верхнем ряду так, чтобы любой человек с телескопом на поверхности не был в состоянии увидеть его.

Он не пошел сразу же на свое судно. Сначала он бросил багаж — он не нуждался в нем для последней стадии операции — и направился по спиральной лестнице вокруг диска к помещениям запечатанного астропата.

Лазпистолет он нашел там, где оставил его в прошлый раз, висящим на вытяжном шнуре за люком панели управления. Мендекс вытащил его, проверил обойму как само собой разумеющееся, и затем открыл тяжелую стальную дверь. Он услышал потрескивание энергии декомпрессии, когда вступил внутрь.

Ничего не изменилось; сфера, в которой пребывала астропат, была такой же, какой он ее оставил, люк радужной оболочки широко открыт, данные о падении невесомости внутри менялись вспыхивающими интервалами, отколовшиеся куски лежали там, где они упали, когда он был вынужден выстрелить из пистолета по псайкеру, чтобы показать серьезность своих намерений.

Астропат тоже была там. Безмолвная, сжавшаяся в комок, с болезненным лицом и гривой спутанных локонов, смотрящая безучастно в потолок. Мендекс поднял голову, наблюдая игру зелено-оранжевого света, который нимбом окутывал женщину, исходящим из железного куба размером в человеческий рост. Стазис-генератор отлично выполнил свою функцию. Он опустился на одно колено и исследовал астропата. За блестящим стазис-полем она напоминала изображение видео-сюжета, замороженного в посреди движения. Мендекс не понимал технологию работы устройства, знал только, что течение времени может задержать объект в определенной области и пределах того барьера в тот момент, когда устройство было запущено.

Для женщины прошли только секунды, хотя он был на Виргер-Мос II в течение почти двух солнечных месяцев. С ее точки зрения он никуда не уходил.

Мендекс спустился вниз и коснулся регулятора, чтобы дезактивировать область. Она замигала и псайкер вернулась к жизни.

— Пожалуйста, не убивайте меня! — завопила она, возобновляя беседу, которая началась неделями ранее и все еще продолжалась для нее.

-Я позволю тебе жить, если ты сделаешь кое-что для меня, — сказал он ей. — Пошлите сообщение. Только и всего.

Астропат покачала головой, и он поднял лазпистолет, тыкая ей в лицо. Она отвела взгляд, а затем вздохнула.

— Это не может быть сделано по прихоти. Должны быть приготовления. Необходима определенная готовность...

Мендекс выставил на показ свои руки.

— Не лги мне. Ты можешь передавать в кратчайшие сроки в случае необходимости. Я не один из адептов Администратума, которому ты не желаешь раскрывать тайны своего таланта. — Он приставил ствол пистолета к ее виску. — Я знаю, как вы работаете.

Ее глаза расширились.

— Без соответствующей подготовки я могу пострадать! Варп сожрет неподготовленный ум. Пожалуйста, не вынуждайте меня!

Она была псайкером с незначительными способностями; это было бесспорно. То, что она была приписана сюда, в это болото вместо звездного корабля или колонии, имеющей реальное значение, подтверждал этот факт. Дни астропата были однообразной, утомительной последовательностью разбора новостей из центра и случайного общения с товарищем на борту мимолетного судна. Неожиданное прибытие Мендекса было подарком.

Он приставил дуло лазпистолета к ее щеке и спокойно взглянул на нее.

— У меня есть другие средства послать сообщение на мое судно, — сказал он, —но я предпочту, чтобы это сделала ты. Если твоим ответ останется «нет», то это закончится быстро.

Наконец женщина смирилась.

— Очень хорошо. Куда именно вы желаете, чтобы я отправила сообщение? — Мендекс размотал ленту пространственных координат и передал их в ее память, затем наблюдал, развлекаясь, как выражение лица псайкера стало шокированным. — Туда?— она спросила. — Но это так далеко ..., это для его ушей?

Мендекс поклонился ей.

— Воителью, ага, некоторым образом. — Он помахал оружием. — Пошли это в точности, и ничего более. Семь слов.

— Говори, я слушаю, — сказала она, смотря на него с негодованием.

— Миссия завершена. Готов приступить к следующей цели. Мендекс.

Леон не был уверен в том, что случиться сейчас.

Он никогда прежде не был так близко к псайкеру, даже не видел его во плоти; в завершении всего он даже не был над поверхностью его домашнего мира перед этим днем, и теперь он присел, пытаясь слиться с тенями в коридоре перед палатой астропата.

Проснувшись от толчка, когда грузовой поезд прибыл на остановку на станции передачи, юноша был пронзен страхом, который вызвал отвращение почти на грани рвоты. Он чувствовал себя странно, сила тяжести давила на него необычно, светильники горели слишком ярко на потолке, холодный воздух имел искусственный привкус.

Он скрылся в контейнере, испугавшись, что Мендекс вернется, чтобы найти его, ожидая, пока шаги летописца не стихли. Когда он собрал остатки своей храбрости, Леон осмелился выйти и продолжить преследование со всем своим умением. Методом проб и ошибок он нашел свой путь сюда — но прежде он не оказывался в порту обозрения, который представил ему вид его планеты и бесконечную пустоту, которая окружала ее.

Леон изучал черноту и понял, что никогда не боялся так за всю свою жизнь. Он увидел тьму и хрупкую массу Виргер-Мос II и внезапно понял, что его отец был прав все это время. Вселенная за его домом, которую они знали, была обширным и незаботливым местом; один проблеск этого ужасного зрелища показал правду тех слов.

Он осмелился выйти из укрытия, поскольку Мендекс проговорил свое собственное имя, держа тонкий пистолет в руке, направленной на телепата. Женщина делала что-то странное, и воздух вокруг нее, казалось, заколыхался и изгибался как змея. Острая, грязная инфекция текла через палату, покалывая его кожу. Леон почувствовал прикосновение паутины к своему телу и почти закричал. Это был варп. Грани пространства кровоточили вокруг астропата, когда она послала сигнал.

Юноша начал дрожать, качаясь назад и вперед, прося у судьбы заставить ощущение уйти; и затем, так быстро, как прибыло, оно рассеялось.

— Сделано, — женщина заговорила и ее голос донесся до него. — Продажная сволочь.

Мендекс отстранился и фыркнул.

— Это — очень упрощенное представление, — ответил он. — Лояльность — упругое понятие. Ты была бы удивлена, на что способны некоторые, учитывая достаточное количество стимулов.

— Вам ничего не удастся, — плюнула псайкер. — Я знаю, кто вы. Я вижу клеймо. Альфа-Легион. — она указала на его руку, где татуировка высывалась из-под его рукава. — Вы — инструмент монстров и ренегатов. Лгун, несущий неправду!

— Я преуспею, — возразил Мендекс. — Я преуспел. Здесь, на Виргер-Мос II и множестве других миров, на всех подобных вашему. Это не первая планета, которую я привел к краху, ни последняя.

— Если ..., если ваши владельцы придут, чтобы вторгнуться, их заставят заплатить за то, что они сделали. Легионы Астартес Императора придут сюда и вернут мир!

Он покачал головой, слабо улыбаясь.

— Ты не понимаешь. Позволь мне пояснить тебе, прояснить твой разум. Я один являюсь вторжением. И моя работа сделана. Не будет никакого массированного нападения со звезд, никаких бомбардировок и борьбы с флотом.

— Но Гор...

Мендекс рассмеялся.

— У Воителя есть более важные дела, чем посылать своих людей в этот тоскливый угол галактики. Действительно ли ты столь высокомерна, чтобы думать, что это стоило бы усилий примарха? Ты действительно полагаешь, что он бы передал корабли для захвата фермы? — Последние слова он выплюнул с резкой насмешкой. Мендекс был воодушевлен предметом разговора; Леон признал ту же самую манеру в его речи, с которой человек разговаривал с юношей, рассказывая о своих путешествиях. — Флот Гора очень большой, но он не может быть сразу повсюду. Но посеять страх в сердцах лоялистов, как будто он может появиться, легко. Ты видишь? Я — только один из множества сотрудников, посланных Альфарием, чтобы создать инакомыслие и разложение в галактике. — Он кивнул. — Ты полностью права. Я действительно лгун, и один из самых сильных. Я узнал сигналы, которые ты посылаешь вниз населению, скопировал их, подражал им. Затем, это был только вопрос вставки их в сеть

телеграфа, и я позволил паранойе и мелким страхам этих провинциальных дураков сделать всю работу за меня. Горстка маленьких астероидов, захваченных у облака Оорт, направленных в атмосферу беспилотными самолетами-дронами, и огни были зажжены. — он усмехнулся. — Я обрушил их с небес.

С каждым произнесенным этим человеком словом, ярость Леона возрастала. Его страх уступал дорогу возмущению, твердому негодованию его предательством. Наконец, он не смог больше сдерживаться, вырвался из своего укрытия и бросился на Мендекса, проклиная его имя.

Летописец — нет, шпион — позволил ему добежать, и в последний момент поднял лазпистолет и использовал его, чтобы ударить мальчика в лицо. Леон закричал от боли, поскольку задник оружия сломал ему нос, и опрокинувшись, упал на пол.

Не останавливаясь, Мендекс повернулся к астропату и устранил ее, звук единственного лазерного выстрела резонировал в палате, когда заряд поразил сердце псайкера, убив ее мгновенно.

Леон поднялся на ноги, поднимая руки в бесплодном жесте самозащиты, закрывая рот от запаха сожженного мяса. Мендекс проигнорировал его, вместо этого наклонившись, чтобы поднять устройство в форме куба, лежащее на полу. Он убрал оружие в кобуру и ушел.

Он почти вышел из комнаты, прежде чем Леон сообразил прокричать ему в след.

— Она была права, вы — негодяй! Вы — маньяк!

Мендекс остановился на пороге.

— Это не так, Леон. Я взял только одну жизнь, когда прибыл на эту планету. — Он кивнул на мертвого псайкера. — Это люди являются убийцами. Люди там, в Городе Сорок-Четыре и в любом точно таком же месте, как это. Люди, как твой отец и Праель, и все остальные. Они позволяют управлять собой, потому что в глубоко внутри, они хотят быть правыми. Они хотят осуществить свои самые темные страхи, обосновать свою ненависть к своему существованию здесь.

— Вы сделали все это! — закричал Леон. — Вы фальсифицировали десантные капсулы в небе; вы использовали эти вещи в своих целях, чтобы извратить радиопередачи ..., вы повернули соседей друг против друга вашей ложью и пропагандой!

— Именно так. И я буду снова, и снова ...

Плечи Леона опустились.

— ... Теперь вы собираетесь убить меня?

Мендекс покачал головой.

— Нет. Я знал, что ты следуешь за мной. Я хотел увидеть, как далеко ты зайдешь.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Это развлекло меня. У меня так редко есть свидетель всего масштаба моей работы. — Человек кивнул в направлении станционного ядра передачи. — Ты достаточно умен, чтобы найти ряд грузовых контейнеров на пусковых рельсах. Они отвезут тебя домой.

Леон с трудом поднялся на ноги.

— Когда я вернусь, — прошипел он, — я расскажу всем, что вы сделали. Я остановлю вас. Я удостоверюсь, что все другие миры предупреждены!

— Нет, ты не сможешь. — Мендекс отвернулся. — У тебя есть выбор, Леон. Ты должен поклясться в своей лояльности Гору Луперкалю и отвергнуть власть Императора. Поскольку к тому времени, когда Небесный Лифт отнесет тебя вниз на поверхность, колония Виргер-Мос II будет принадлежать Воителю. Ее захватят не силой оружия, а из-за слабости людей, которые живут там. Поскольку они не справились со своим страхом перед одной вещью, они никогда не справятся со страхом в будущем. — Он бросил на юношу один последний взгляд. — И если ты не присоединишься к ним, то они будут теми, кто убьет тебя.

Варп-катер отделился и повернулся вокруг оси, сверхсветовые двигатели включились, чтобы унести судно вдаль от колонии.

В модуле кабины Мендекс закончил последние из записей в его регистраторе миссий, делая паузу, чтобы изучить детали добывающей заставы на расстоянии шести световых лет, где он начнет свою работу снова.

Удостоверившись, что готов, он устроился на противоперегрузочной кушетки и дотянулся до стазис-генератора. Он включил ключом таймер дезактивации, чтобы проснуться через неделю орбитального полета, так, чтобы у него было время, чтобы перехватить вокс-передачи заставы и начать работу над новым хитроумным планом.

Мендекс закрыл глаза и щелкнул выключателем; он проснется как бы секунду спустя и начнет все сначала.

Это было то, в чем он был лучшим.

Леон Киитер наклонился вперед, и, коснувшись лбом холодного бронированного стекла, оперся разведенными в стороны руками на экран.

Он смотрел вниз, не смея отвести взгляд от угрожающей тьмы, наблюдая агро-мир под ним. Ночь скрывала пейзаж, но свет был тут и там, хаотичные группы и слабые цветные пятна.

Свет от огней горящих городов, желто-оранжевых и адских оттенков, видимый всюду, куда бы он не бросал свой пристальный взгляд.

В холоде и тишине, Леон наблюдал распространение огня вдали.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Доля_лжеца/_Liar%27s_Due_\(рассказ\)&oldid=20382](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Доля_лжеца/_Liar%27s_Due_(рассказ)&oldid=20382)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:30.